

**ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ У БАШКИР В ПРОШЛОМ
(ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)**

© 2017

Исянгулов Шамиль Наилевич, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается институт усыновления у башкир в прошлом по фольклорным и письменным источникам. Данная тема остается в историографии малоизученной научной проблемой. Литература по ней немногочисленна.

В качестве основных источников выступают предания, легенды, родословные (шежере) башкир. В этих источниках сохранились сведения об усыновлении башкирами малолетних детей – калмыков, ногайцев, казахов и др. Все эти источники в большинстве отражают реалии XVI–XVIII вв. В целом они помогают понять воззрения башкир на такой институт, как усыновление чужих детей. Анализ источников позволил сделать вывод о том, что сирот, брошенных, взятых в плен и т.д. детей башкиры считали отмеченными божественным знаком. Усыновленные становились полноценными членами башкирской общины. Предполагается, что институт усыновления был достаточно широко распространен и до вхождения башкир в состав Российского государства. Материалы подтверждают, что усыновление было связано и с обычаем получения плода от знатного человека. Усыновление выступало одним из путей инкорпорации иноэтничных групп в состав башкирского народа. Исторические корни института усыновления требует, несомненно, дальнейшего изучения.

Ключевые слова: башкиры; усыновление; получение плода; предания; родословные; источники; малолетние дети; сироты; калмыки; ногайцы; казахи; иноэтничные группы; община; род; инкорпорация; А. Инан; Р.Г. Кузеев; А.З. Асфандияров; Б.А. Азнабаев; прикосновение к груди.

Актуальность темы

Одной из интересных, но малоизученных проблем в историографии остается вопрос о бытовании обычая усыновления у башкир в прошлом. Между тем исследование данного специфического обычая, его распространенности в традиционном обществе позволит по-новому взглянуть на ряд проблем этногенеза и этнической истории башкир, на роль иноэтничных компонентов в них, эволюцию семейного быта народа.

**Историография
и степень изученности**

Литература по данной теме не только по башкирам, но и по другим народам немногочисленна. Этнографической работой, специально посвященной институту адопции (усыновления) у тюркских народов, является статья турецкого исследователя башкирского происхождения Абдулкадира Инана, изданная в 1948 г. В ней используется и башкирский материал. Главное внимание А. Инан уделяет церемонии (обряду) усыновления. Он высказывает мысль о генетической связи института усыновления с домашним (патриархальным) рабством и обычаем получения плода от знатного мужчины. Связав усыновление с рабством, А. Инан, очевидно, продолжает аналогичную мысль К. Маркса [1]. Известный этнограф Р.Г. Кузеев считал, что инкорпорация в состав башкир иноэтничных групп населения различными путями (здесь подразумевается и усыновление) происходила постоянно на протяжении всей этнической истории башкирского народа на Южном Урале [2, с. 199–200 и др.]. Историк А.З. Асфандияров высказал точку зрения, что усыновление у башкир было достаточно редким явлением [3, с. 44]. Вопрос об инкорпорации калмыков и других групп пришлого населения в башкирское общество в XVI–XVIII вв., в том числе путем усыновления, рассмотрен в монографии Б.А. Азнабаева. Опираясь на работы П.И. Ры-

сачева, Р.Г. Кузеева и архивные материалы, Б.А. Азнабаев посчитал, что лишь в XVII–XVIII вв. 173 родовых подразделений башкир (что составило более 10% их общего числа) были образованы выходцами из калмыков, татар, ногаев, чуваш, мари и выходцев из Средней Азии [4, с. 136–150]. Таким образом, в научной литературе имеются две противоположные точки зрения на распространенность случаев усыновления в традиционном башкирском обществе в прошлом. В целом институт усыновления у башкир остается малоисследованной проблемой, обусловленной отрывочностью документальных источников, практически полным отсутствием сведений об этом в дореволюционной историко-этнографической литературе.

**Проблема исследования, цели и задачи,
методология исследования**

В данной статье предпринимается попытка на основе письменных и фольклорных источников установить роль и значение института усыновления в башкирском обществе периода позднего средневековья. Для достижения цели рассматриваются причины и последствия данного явления, выявляются обычаи, генетически связанные с усыновлением. В качестве объекта исследования выступают тексты, в которых упоминаются факты усыновления чужих детей башкирами. Основными источниками являются башкирские предания, легенды, эпос, родословные (шежере). Фольклор в данной работе рассматривается как важнейший исторический источник, отображающий прошлое народа. В статье автор расположил материал не совсем по хронологии. Дело в том, что основная часть источников воспроизводит события примерно XVI–XVIII вв. Лишь после этого автор обращается к более раннему периоду.

Основная часть

В башкирских родословных (шежере) и преданиях упоминания об усыновлении не так уж и редки. В

частности, в одном из юрматынских шежере сообщается, что у Юрматы-бия был приемный сын Худайбирде [5, с. 36, 43]. У минцев сохранилось предание о борьбе с ногайцами. Во время бегства из Башкирии ногайцы бросили одного мальчика. Башкиры приняли его в свой род и назвали Туган [6, с. 122–123]. В шежере минцев также сообщается, что «в давние времена знатные отцы и деды нашей страны на опустошенной земле нашли одного ребенка, [лежавшего] внутри большого казана». До этого на той земле жили ногайцы, то минцы также назвали ребенка Худайбирде [5, с. 58, 62]. В другом переводе уточняется, что ребенок лежал внутри казана в промерзшем месте [7, с. 279]. Очевидно, ребенка положили в теплый казан, чтобы он не замерз. Однако возможно и другое объяснение. Как сообщает А. Инан, у урянхайцев-туба после рождения ребенка держали некоторое время под казаном, а в казан бросали онгон и искусственного ребенка из муки. Три дня после рождения под казаном держали ребенка и монголы, а в это время мать возится с куклой, которая потом «умирает» и ее «хоронят» [8, с. 181]. Башкиры также иногда сразу после рождения клали ребенка в собачье корыто [9, с. 102]. Вполне, возможно, в прошлом у башкир был распространен обычай класть новорожденного ребенка в казан, что имел охранительный характер.

Интереснейшие данные имеются в родословной рода карагай-кыпсак. В ней сообщается, что у Кубаша не было сыновей. Во время одного из сражений башкирам достался ребенок мужского пола, который был отдан на воспитание Кубашу. И назвали его Ишбулды (буквально: стал парой [в смысле: отцу]). В другом сражении также был отбит мальчик, которого тоже отдали тому же Кубашу. Ребенку дали имя Ишкильды (имеет то же значение, что и имя Ишбулды) [5, с. 113, 118].

Сохранилось достаточно много преданий об усыновлении башкирами калмыцких детей. В предании «Мамыт» сообщается, что против войск Батый-хана сражался батыр Букэт. Однажды на поле боя Букэт захватил в плен мальчика по имени Мамыт и привез его к себе домой. Так как тот мальчик походил на калмыка, то стали называть его калмаком. Не имея возможности заниматься воспитанием мальчика, Букэт передал его другому башкирскому батыру – Уляю. Уляй отдавал много времени воспитанию мальчика, даже обучал его грамоте. Когда Мамыт подрос, то стал главой тангаурского рода [6, с. 82]. Данное предание отображает реалии XVII – начала XVIII вв., когда происходили башкиро-калмыцкие войны. Известно, что в 1742 г. старшиной Тангаурской волости Ногайской дороги был Мамыт Кучюков, которому подчинялись 20 дворов рядовых башкир и 30 дворов тархан [10, с. 100]. По другому преданию, калмыцкого мальчика также воспитал один из тангауровцев. Вначале у него не было имени. Его называли просто «Акэу». Затем, уже взрослому, дали имя Кашкар по названию восточнотуркестанского города Кашгар. Однажды Кашкар был направлен к царю и получил от него власть над несколькими деревнями [6, с. 420]. По другим данным, Кашкар был сыном вышеупомянутого Мамета, старшины тангаурского рода, калмыка по происхождению [11, л. 178 об–179]. Последняя точка зрения подтверждает

ется архивными материалами. В 1816 г. в д. Кашкарово Тангаурской волости Оренбургского уезда зафиксированы семьи отставного сотника Кашкара Мамутова 74 лет (1742 г.р.), Махмута Мамутова 68 лет (1748 г.р.), Ренна Мамутова 67 лет (1749 г.р.). Все они записаны башкирами [12, л. 927 об–928].

Один из калмыков обменял своего малолетнего сына Тайсына на коня-стригунка башкирского тархана Расула. Тархан вырастил мальчика, женил его на девушке своего рода и поселил их на правом берегу реки Кандыбулак [6, с. 421]. Подобные же истории случались и в других деревнях [6, с. 418 и др.]. А в Зауралье образовался целый башкирский род «калмак». В наказе башкир Исетской провинции в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. о происхождении сарт-калмакцев говорится следующее: «а калмыки так же в древние времена получены были нашими башкирцами при войнах в малолетстве, которые из давних лет именуются с нами единого звания башкирцами с отличеством, что одни произошли от сарт, другие от калмык, почему как землями и всеми угодиями общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно же в государственных службах обще и наряду обращаемся без всякого отличества и отделения от башкирцев» [13, с. 117–118].

Как видно из документов, приемные дети тарханов в XVII в. могли стать по совершеннолетию тарханами. Так, приемные дети тархана Кипчакской волости Ишмамета Давлетбаева – «вскормленные им дети» Байтемир Акманаев, Мустай Айгильдин в 1686 г. по его просьбе «за многие годы его службы и за старость» пожалованы в тарханы [14, с. 29]. Бывший пленный калмык Апачко Карсаков, усыновленный башкиром Минской волости, стал со временем тарханом. В 1700 г. он рассказывал: «... И он Карсак ево Апачка держал вместо сына своего родного, и женил, и женя наделил, и наделяя отпустил, а он де Апачко имел ево Карсаку вместо отца своего родного, а пишитца ево Карсаевым сыном» [14, с. 149].

Сохранилось также множество преданий об усыновлении башкирами детей-казахов. Наиболее известным среди них являются предание и шежере «Мамбет». В предании рассказывается о том, как во время набега на казахское кочевье Аргына вместе с его табунами были захвачены двое его сыновей 10 и 12 лет. Одного из них усыновил усерганец Хабыр. Поводом к усыновлению стало следующее событие: «Проснулся старик Хабыр в полночь, вышел во двор и видит: в стороне овчарни возле очага живое что-то светится. Подошел он ближе, а это тот самый казахский мальчик лежит, светом озаренный. Замер Хабыр в безмерном удивлении, стоит и глазам своим не верит. Позвал жену. А в это время рассвет стал заниматься. Но маленький пленник из казахских степей продолжал светиться, лежал, весь облитый лучами. Вот тогда и решил Хабыр, что мальчик тот осенен особым знаком благоденствия и взял его к себе. А Ялан Юмаш тогда делил добычу между своими воинами. Каждому воздавал по заслугам. Хабыр ничего у него не взял, только попросил отдать ему того светящегося мальчика. Привел его к себе домой, пригласил стариков аула и при всех дал мальчику имя Мамбет» [6, с. 78]. Примерно то же самое повторяется и в шежере Мамбета. Однако здесь Хабыр увидел светящегося мальчика в доме, за чувалом. Взяв его к

себе, привел в свою деревню, созвал стариков и муллу. Была принесена жертва. Хабыр сказал им: «Вот привел одного ребенка. Его имя Жансары. Мулла, дай этому ребенку хорошее имя». Мулла, прочитав молитву, дал ему новое имя Мамбет [15, с. 276].

Как известно, поэт Габдрахим Усман (1752–1836), мишар по происхождению, был в конце XVIII – начале XIX вв. усыновлен башкирским чиновником Усманом Ибрагимовым (1764–1813), (потомки У. Ибрагимова впоследствии получили дворянство) и стал полноправным башкиром-вотчинником. При этом усыновитель, как видно, был моложе усыновленного на 12 лет [16, с. 469].

Все эти предания, легенды, шежере в большинстве отражают реалии XVI–XVIII вв. В целом они помогают понять воззрения башкир на такой институт, как усыновление чужих детей. В частности, в предании и шежере Мамбета и некоторых других источниках, по нашему мнению, указаны причины усыновления чужих детей башкирами. Очевидно, найденышей, брошенных, захваченных в плен и т.д. детей башкиры считали отмеченными особым, божественным знаком. Недаром многих усыновленных детей башкиры называли «Худайберды» (что означает «Бог дал»). Так, попытка убить сыном Расул-тархана, прославленным стрелком, приемыша-калмыка не увенчалась успехом. Стрелок был удивлен и, увидев, очевидно, в этом божественный знак, оставил свое намерение. Симптоматичным является и то, что к царю башкиры, посчитав, что тут есть какое-то чудо (можно понять и как подвох) отправили именно приемыша, калмыка по происхождению, Кашкара. Усыновленные дети получали такие же права, как и собственные дети башкир, их потомки становились полноценными общинниками, башкирами-вотчинниками. Именно таким образом появлялись новые родовые подразделения иноэтнического происхождения: «нугай», «калмак», «казах» и т.д.

Исходя из приведенных сведений о распространении института усыновления в XVI–XVIII вв., можно предположить, что он также был относительно широко распространен и до вхождения башкир в состав Российского государства. В ряде фольклорных произведений получил отражение и более ранний период. Как известно, по легенде сирота Кыпчак был усыновлен самим Огуз-ханом [17, с. 84]. У дуванского батыра Кормыя было 13 сыновей. Во время переселения на долину р. Ай они нашли 14-го ребенка, назвали его Табынды и взяли с собой. Потомки Табынды, скорее всего, стали основателями родового подразделения «табын» в составе племени дуван [18, с. 197]. Однажды мурзаларцы нашли ребенка, который имел небашкирское происхождение. Вырастив, они женили его на девушке из рода кудей, затем дали ему отдельный земельный участок. Впоследствии его потомки составили отдельный род каратаулы в составе племени ай [11, л. 259–260].

По мнению А. Инана, институт адопции (усыновления) генетически был связан с обычаем получения плода от мужчины (батыра, знатного человека) [1, с. 122–123]. Исследователи уверены, что данный обычай существовал и у башкир [19, с. 315]. Этот специфичный обычай описывается в древнейшем эпосе «Урал-батыр». Идею о получении плода от ба-

тыра в эпосе возвещает старик после подвигов Урала в стране змей:

Во все времена для страны родной
 Был свойствен великих батыров приход.
 Поколенья пройдут чередой,
 Новое поколение придет.
 И, хоть слава твоя пребудет,
 Все же сила из рук отойдет.
 Вечной останется лишь страна,
 Вновь ее сила возрастет,
 И отточится снова стрела.
 От батыра батыр родится,
 Лук возьмет по примеру отца
 И с коварным врагом станет биться.
 И этому не будет конца.
 Поколение таких сыновей
 Всесильным будет в стране своей.
 В девушке этой – отцовская кровь,
 От матери – молоко и любовь.
 Будет тебя достойна она –
 Красавица, верная жена... [20, с. 71].

После этого Урал женился на Гулистан. Да, и первую женитьбу Урала на дочери царя Катилы можно трактовать точно таким же образом. Ведь на женитьбе настаивает народ, только что освобожденный Уралом из под власти кровавого царя [20, с. 60–61].

Некоторые письменные источники свидетельствуют о том, что в период средневековья у башкир продолжал бытовать обычай получения плода от знатного мужчины.

В шежере юмран-табынского рода сообщается, что некий Хани Углан из династии Чингизидов «взял в законные жены дочь герей Ялман-бия». «Спустя полтора года после его женитьбы на дочери Ялман-бия родился мальчик, нареченный Туктар-бием. А затем скончался хан Астерхана (Астрахань) Тимуркутлу-хан, прибыл посланец сказать: «Сына у него нет!» – и вернуть Хани Углана, чтобы поставить его ханом города Астерхан. Тогда Кутлююл-сэсэн и его род пожелали: «Оставь нам, башкирскому юрту, человека из ханского рода!», – и оставили (им) Туктар-бия с матерью» [7, с. 216]. Повзрослев, Туктар-бий (потомок Чингиз-хана и бия башкирского рода герей) возглавил все же род юмран-табынцев (род герей скорее всего входил в табынскую конфедерацию племен). Таким образом, он унаследовал социальный статус деда по материнской линии. Здесь мы видим и древний обычай получения плода от мужчины (в данном случае от Чингизиды) в действии.

В шежере рода Суун-Кыпсак говорится о том, что один из внуков хана Золотой Орды Джанибека (правил в 1342–1357 гг.) – Зиянгул – в годы Великой замятни в ходе борьбы за власть убил сына хана Бердибека (своего двоюродного брата) и бежал к башкирам. Здесь он попал под покровительство бия Акмачука (он, скорее всего, был вождем усерганцев). Зиянгул, несмотря на то что был Чингизидом, назвался башкирам почему-то «кыпчаком». Бий и соседние башкирские вожди племен отдали за него выкуп представителям центральной золотоордынской власти. Зиянгул один год прожил у Акмачука, имея статус сына (то есть был усыновлен бием). После этого башкиры убили мужа Бибкей, родственницы бия Акмачука, а ее выдали замуж за Зиянгула. От них произошли суун-кыпсаки [21, с. 74–75]. Данный

текст особенно важен тем, что в нем события даются в развитии: 1) попадание под покровительство башкирского бия; 2) выкуп у центральной власти претендента на власть, что означает попадание Зиянгула в определенную зависимость от башкирских биев; 3) временное усыновление Чингизида башкирским бием; 4) женитьба принца на местной девушке, потомки которых в конце концов составили новый род в составе башкирского племени кыпсак.

Близкая история приводится в сочинении «История башкир». Некий султан Бердибек, убив сыновей Кучум-хана, хотел бежать в Туркестан к хану Усеку (под Усеком подразумевается восьмой сын казахского хана Джанибека, живший во второй половине XV – начале XVI в.). Во время переправы через р. Сакмара Бердибек был остановлен вождем усерганцев Казаксалом. Он выкупил Бердибека у Кучум-хана и оставил его при себе. Бердибек султан ни с кем не общался, держался отшельником. Казаксал женил его на девушке из своего рода и сделал командующим войском [22, с. 94–95].

Эти примеры помогают понять исторические корни института усыновления, оказавшегося связанным с обычаем получения плода у знатного человека, заложничеством (а в более ранний период, очевидно, и с домашним рабством), инкорпорацией в этнополитическую структуру местного общества и т.д.

Во всех вышеприведенных случаях мужчина, от которого получен плод, является чужаком, более того, знатным человеком – потомком Чингис-хана, имеющим право на золотоордынский престол. Башкиры идут на многое, чтобы получить именитого зятя, статус которого близок к положению почетного пленника, заложника. При этом усыновление является временным, фиктивным, а усыновляемый оказывается потенциальным женихом местной девушки.

Позже некий ногаец стал зятем юрматынского бия Чачлы-дервиша. Из контекста шежере видно, что статус этого зятя близок к положению почетного пленника и/или заложника. Его сын Бурнак наследовал власть своего деда по материнской линии [7, с. 55].

Обычай получения плода от знатного мужчины изучен еще недостаточно. Однако ясно, что он был связан с наследованием власти, социального статуса по материнской линии, а также с институтами усыновления, заложничества (аманатства) и др.

Выводы

Случаи инкорпорации чужаков в башкирское общество, в том числе путем усыновления, вплоть до XVIII в. были, скорее всего, не редкостью. Иноэтнические образования составляли, наверное, также примерно 10–15% от общего числа башкирских родов и родовых подразделений. Об этом свидетельствуют широкое распространение двойных этнонимов, например: барын-табын, дуван-табын, юмран-табын, кесе-табын, кузгун-катай, карагай-кыпсак, туркмен-кыпсак, гирей-кыпсак, булякей-кудей, бурельдят, миркит-мин, нугай-юрматы и др. Двойные этнонимы, образовавшиеся от названий растений, животных, птиц, являются более древними. Их появление можно датировать примерно периодом до XVI в.

Каковы были причины достаточно широкого распространения института усыновления у башкир?

Выше были обозначены религиозные (сакральные), семейно-психологические (бездетность и др.), этнополитические, социальные причины. Скорее всего, были и другие, в том числе экономические причины. Данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Исследования по этнографии народов Средней Азии и Казахстана позволили Н.П. Лобачевой прийти к выводу, что институты искусственного родства (повивальное родство, побратимство, свадебный персонаж мурундук-эне) были присущи средневековому кипчакскому обществу [23, с. 74]. В частности, о широком распространении побратимства у половцев (кыпчаков) писал автор XII в. Петахия Регенсбургский [24, с. 209]. Если это так (а усыновление типологически и генетически близко к указанным формам искусственного родства), то, возможно, институт усыновления был привнесен в Башкортостан кипчаками и кипчакизированными племенами. Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения. Скорее всего, институт искусственного родства был широко распространен у многих кочевых народов. Как показывают материалы, такой специфичный обычай получения плода у знатного мужчины был характерен для местных племен с древнейших времен.

Таким образом, институт усыновления играл определенную роль в процессе инкорпорации иноэтнических групп в состав башкирского народа, будучи одним из его путей. Усыновление могло быть фактическим или фиктивным, но и в том, и в другом случае усыновленный входил в состав башкирской общины полноправным членом. Достаточно широкое бытование обычая адопции помогает уяснить истоки чрезвычайно сложной родоплеменной структуры башкирского общества в XVIII – начале XX вв. Несомненно, она была обусловлена не только институтом усыновления, но и другими способами включения чужаков в башкирскую общину. Однако недооценивать его также нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Инан А. Традиции, связанные с институтом усыновления у кочевых тюркских народов // Ватандаш. 1998. № 6. С. 116–123. На башк. яз.
2. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменная организация башкир в XVII–XVIII вв. // Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов: в 7 т. Уфа: Китап, 2015. Т. 1. С. 139–310.
3. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.
4. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
5. Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1960. 304 с.
6. Башкирские исторические предания и легенды / Авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. 528 с.
7. Башкирские родословные / Составление, предисловия, пояснения к переводу, перевод на русский язык, послесловие Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; указатели, факсимиле Р.М. Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Китап, 2016. 480 с.
8. Инан А. Шаманизм в истории и сегодня. Уфа: Китап, 1998. 224 с. На башк. яз.

9. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
10. Таймасов С. О численности башкир, о старшинах и тарханах в период образования Оренбургской губернии // Ватандаш. 2006. № 10. С. 91–104.
11. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 116. Оп. 1. Д. 63.
12. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145.
13. Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005. 272 с.
14. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
15. Башкирское народное творчество. Уфа: Китап, 2004. Т. 7. Письменные киссы и дастаны. 624 с. На башк. яз.
16. Хусаинов Г.Б. Габдрахим Усман // История башкирской литературы в 6 томах. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1990. Т. 1. С. 468–482. На башк. яз.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с персидского А.А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
18. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа // Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов: в 7 т. Уфа: Китап, 2016. Т. 4. С. 9–526.
19. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
20. Башкирское народное творчество. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. Т. 1. Эпос. 544 с.
21. Хусаинов Г. Из шежере суун-кыпчакского рода // Башкирские шежере (Филологические исследования и публикации). Сборник статей. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 74–76. На башк. яз.
22. Хусаинов Г. История башкир // Ватандаш. 2006. № 9. С. 79–99. На башк. яз.
23. Лобачева Н.П. Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам середины XX в.) // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2006. Вып. V. С. 47–94.
24. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. III: Восточные источники. Сост. части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин. 264 с.

ADOPTION INSTITUTION AMONG BASHKIRS IN THE PAST (BASED ON FOLKLORE AND WRITTEN SOURCES)

© 2017

Isyangulov Shamil Nailevich, candidate of historical sciences,
senior researcher of Bashkortostan Contemporary History Department
Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russian Federation)

Abstract. The following paper discusses the institution of adoption among Bashkirs in the past based on folklore and written sources. This topic is not sufficiently studied in historiography. There are not many sources on it. The main sources here are the traditions, legends, genealogical trees of Bashkir. In these sources information about the adoption of young children (Kalmyks, Nogais, Kazakhs, etc.) by Bashkirs has been preserved. All these sources in most respects reflect the realities of the 16th – 18th centuries. In general, they help understand the views of Bashkirs on the adoption of other peoples' children. The analysis of the sources allowed us to conclude that orphans, abandoned, captured, etc. children among Bashkirs were considered as being marked with a divine sign. Adopted children would become full members of the Bashkir community. It is assumed that the institution of adoption was widespread enough before the Bashkirs joined the Russian state. Materials confirm that the adoption was associated with the custom of obtaining the fruit of a noble person. Adoption was one of the ways to incorporate other ethnic groups in the Bashkir people. The historical roots of the institution of adoption needs a further study.

Keywords: Bashkirs; adoption; obtaining fetus; legends; genealogies; sources; young children; orphans; Kalmyks; Nogai; Kazakhs; alien ethnic groups; community; clan; incorporation; A. Inan; R.G. Kuzeev; A.Z. Asfandiyarov; V.A. Aznabayev; touching chest.

УДК 394

Статья поступила в редакцию 18.10.2017

«СОЮЗ АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ» В СТРУКТУРЕ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ САМАРЫ

© 2017

Агаджанян Лиана Алексеевна, кандидат исторических наук, заведующий сектором протокольной части
Дума городского округа Самара (г. Самара, Российская Федерация)
Ягафова Екатерина Андреевна, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассмотрены формы и направления деятельности общественной организации «Союз армянской молодежи» (САМ) в социокультурном пространстве г. Самара, показана ее роль в жизни региональной общины армян. САМ возник в 2015 г. как «молодежное крыло» в составе Самарской городской армянской национально-культурной автономии «Наири» и занимается организацией как молодежных мероприятий, так и крупных общественных акций армянской общины. Основными направлениями деятельности Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 4 (21)